

РАЗДЕЛ 1.

ЯЗЫК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Базылев В. Н.

Москва, Россия

**ЯЗЫКОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ
«ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ»**

Abstracts

The article contributes to the study and analysis of political correctness. The author presents some methods and ways of its investigation that exist in European and Russian linguistics.

Императив «политической корректности» (political correctness) чрезвычайно широко развился в последние годы в США и довольно быстро начал оказывать влияние на политическую культуру западноевропейских стран. «Политическая корректность» представляет собой отраженное, в первую очередь в речевом поведении, современном идеологии западной демократии, основывающейся на концепции «справедливости» и, как следствие, достижения «равноправия» и «соблюдения прав человека». «Политическая корректность» рассматривается некоторыми исследователями, например в США – историком А. Шлесинджером и литературоведом П. Фасселом, в Германии – этнологом Х.-П. Дюрром, как следствие крупных неудач, в частности, американской внутренней политики, характерных для современной Америки и всего мира процессов расслоения по этническому или расовому признаку, нарастания угрозы социальных конфликтов, влияния феминизма, антирасизма, движений за права меньшинств. В Европе возрастающий успех идей «политической корректности» связан прежде всего с процессами политической интеграции и некоторыми социально-культурными изменениями последнего времени, сходными с американскими. «Политическая корректность» представляется ее идеологам как средство избежания конфликтов в поликультурном обществе – между черными и белыми, между мужчинами и женщинами и т.д. – путем установления специальных норм речевого этикета, прежде всего, употребления особого языка, содержащего исключительно выражения, которые будут эмоционально положительно восприняты представителями всех или большинства групп адресатов, и табуизации целого ряда слов и выражений, которые могут привести к негативным ассоциациям. «Политическая корректность» в языке приводит к целому ряду изменений в лексике, словоупотреблении, и даже грамматике.

Политическая речь из-за сферы своего употребления и по прагматическим причинам является одной из наиболее богатых эвфемизмами стилей речи. По-видимому, любая

публичная речь на любом языке, в большей или меньшей степени, характеризуется заметной выраженностью, которые говорящий считает неприличными, грубыми, оскорбительными для данной категории адресатов, на более нейтральные или принятые в данном языковом сообществе в виде подходящей замены. Процессы и мотивировка эвфемизации сходны в различных языках, во всяком случае, в европейских с их взаимопроникающими культурами. Наиболее ранней, в историческом плане, причиной переименования с употреблением эвфемизмов было табу на открытое употребление некоторых прямых обозначений денотата, считавшихся опасными и часто связывавшихся с какими-то мистическими силами. Например, в восточнославянских культурах *нечистая сила, лукавый* вместо *черт, бес*; в немецком языке, соответственно, *der Schwarze, der Boese, der Versucher*. Переименования подобного рода часто либо существовали недолго и быстро сменялись другими, либо приводили к исчезновению табуированной единицы. Вторая причина замены слов на эвфемизмы – это запреты, обусловленные требованиями этикета. Например, во многих культурах неэтикетно употреблять в адрес людей многие из прямых физических или умственных характеристик, например, в немецком языке такими запретными являются слова *dick, dumm, kleinwuechsig*, а иногда даже *behindert*, которое уже является эвфемизмом. Другая важная функция эвфемизации действует, когда адресант пытается скрыть подлинную сущность обозначаемого, и тем самым смягчить реакцию адресата на свое высказывание. Все эти свойства эвфемизмов политики и общественные деятели, по-видимому, абсолютно всех культур широко используют в своей речи.

Трудно точно установить время начала массового употребления эвфемизмов политиками и общественными лидерами, однако нельзя не согласиться с некоторыми авторами, которые связывают возрастание эвфемизации с развитием в Европе придворного этикета. При европейских королевских и княжеских дворах такие церемониальные формы речи служили для подчеркивания и демонстративного прославления подданными власти и могущества своего государя. Об этом свидетельствует и укоренившееся в немецком языке слово *hoeflich*. Даже И.-В. Гете, известный своими либеральными взглядами автор «Страданий молодого Вертера», приняв высокий государственный пост в Веймаре, с готовностью подчинился придворному этикету и в своих официальных письмах четко различал между *wohlgeboren* и *hochwohlgeboren*. Как и табу вообще, нормы этикета очень подвержены влиянию политических и общественных перемен, например, норм вежливости при стирании кастовости в обществе. Например, в современном

немецком языке от *Sie* к более частотному употреблению *du*. А тем более, тот факт, что в эпоху социализма в ГДР формы этикета были во многом полностью заменены, и не только традиционные обращения уступили более «сердечному» *Genosse*, но и обращение всех к друг другу на «ты» на партконференциях и съездах (т.н. *Kongressduzerei*), а на «Вы» – в обыденных ситуациях стало обычным среди политиков из СЕПГ.

Так или иначе, введение нового этикета, появление новых табу, выбор и частота употребления эвфемизмов политиками неразрывно связаны, по крайней мере, с господствующей политической и общественной идеологией, актуальными или популярными социально-культурными и политическими ориентирами, такими как гражданский мир, равноправие и т.п.; сменой политических систем, идеологий, направлений общественного развития (напр., в Германии на протяжении второй половины XX века – это постоянное стремление отмежеваться от нацистского прошлого); поиском поддержки у той или иной категории населения – этнических групп, женщин, инвалидов; необходимостью отвечать требованиям других культур при возрастании поликультурности общества; необходимостью удовлетворять международной политической конъюнктуре (напр., при международной политико-экономической интеграции и членстве в международных организациях или межгосударственных блоках, таких как ООН или ЕС, а также под влиянием гуманитарной политики сверхдержав, в первую очередь – США. Учащающееся употребление эвфемизмов заметно также в «сложных политических ситуациях», когда необходимо избежать развития конфликта или когда говорящий – политик – сомневается в устойчивости своего положения. Например, в ФРГ в последние годы стало принято любые, даже очень серьезные межпартийные разногласия по политическим вопросам именовать *Dialog*. В Германии вообще экстралингвистические факторы, поочередно или в комплексе, оказывали и продолжают оказывать очень большое влияние на политическую речь, в целом, и на мотивировку и употребление эвфемизмов, в частности. Причем воздействие этих факторов трудно поддается разграничению и требует очень детального изучения политического и культурного контекста в данную историческую эпоху: *Fremd-/ Gastarbeiter* → *unser auslaendischer Mitbuenger* – в стремлении к социальному равенству и желании воспитать у коренного населения терпимость к иммигрантам.

С появлением «политической корректности» под ее «защитой» оказались, в первую очередь, две категории граждан: иммигранты – представители иных рас и национальностей – и женщины. Особая осторожность в слово-

употреблении, когда речь идет о расовых или этнических меньшинствах, в Европу пришла вслед за США и по примеру американцев. В американской речи, стремление избежать даже малейшего намека на дискриминацию уже привело к возникновению, вместо обычных указаний на цвет кожи, сложных, но с точки зрения «политической корректности», находящихся вне подозрения, выражений *Native Americans, African Americans, Asian Americans*. В Германии такие явления наметились в связи с притоком иммигрантов из стран третьего мира, а также были продиктованы необходимостью войти в Европейский Союз с его открытыми государственными границами без ксенофобии и расизма. Наряду с уже упоминавшимися словами *Fremd -/ Gastarbeiter*, в число нежелательных попали *Asylant, Aus- Umsiedler*, а также, вслед за английским языком, появились новые эвфемизмы для названий национальностей, например, *Sinti und Roma = Zigeuner*. Сегодня в Германии в определенных аудиториях даже нейтральное слово *Jude*, единственное для обозначения еврейской национальности, вызывает гневные обвинения в расизме.

Вслед за английским языком в США и Англии, где под подозрение попало даже слово *manager (man?)*, «политическая корректность» в отношении женщин все чаще дает о себе знать и в Германии. О влиянии феминизма на немецкую лексику и даже грамматику в последние годы достаточно много писалось. В этой области «политическая корректность» в немецком языке сталкивается со значительными трудностями, по сравнению с английским, прежде всего из-за развитой категории рода имен существительных. Эта трудность чаще всего возникает в связи с обозначениями профессий и рода деятельности. Кроме попыток феминизации имен существительных, не имевших ранее женского рода, например, *der Dekan – die Dekanin, der Nachrichtensprecher – die Nachrichtensprecherin*, в последнее время в обиход, часто официальными директивами, вводятся многочисленные замены. Поскольку, например, употреблять *Schueler und Schuelerinnen* в официальных документах системы образования ФРГ не всегда удобно из-за длины слова, сложного склонения по падежам и неясности того, какое слово в этом словосочетании писать первым, а «политическая корректность» не позволяет писать только *Schueler*, то школам и гимназиям рекомендовано использовать слово *die/ der/ die Studierende (-n)*. «Основные правила» (*Grundordnung*) для университетов земли Северный Рейн – Вестфалия предписывают называть *Dekanin* по истечении ее полномочий *Prodekanin*, чтобы исключить *psychologisch wirksame Benachteiligung von Frauen*. Интересно, что феминизация в средствах массовой

информации пока успешно избегают, пожалуй, только два слова – *der Investor, der Kapitalist*.

Проявления «политической корректности» имеют место в очень разнообразных коммуникативных: чаще всего, однако, она приводит к появлению очень «неуклюжих» слов и выражений, которые Э. Хеншайд окрестил в своем одноименном словаре как *Dummdeutsch*, приводя такие примеры новых лексических образований в речи официальных лиц ФРГ, как *Lernzielkontrolle, Qualifizierungsoffensive, Wertegemeinschaft, Kontaktbereichsbeamte*.

«Политическая корректность» не может иметь значительных социально-культурных последствий, которые здесь нет возможности обсуждать пока более подробно. Однако, говоря о социальной пользе или вреде «политической корректности», не стоит забывать о том факте, что люди общаются не словами, а текстами, так что контекст может быть семантически настолько четко построен, что это исключит любую вероятность неправильного понимания сообщения. По этой причине искусственные мероприятия по утверждению «политической корректности» как социального (директивы), так и лингвистического (изобретение новых лексических единиц) плана не имеют смысла. В этой связи интересна тенденция, наметившаяся в отношении табуированных «политической корректностью» слов, таких как *Lesbe* и *Schwuler*, которые сексуальные меньшинства пытаются внедрить в широкое употребление, а «расистское» слово *nigger*, исключенное из американской речи, сегодня пытаются вернуть сами же афроамериканцы.

По мнению немецких лингвистов, распространение «политической корректности» ведет к возникновению, в лучшем случае, «новой цивилизованности», в худшем – надежного репрессивного аппарата: в университетах США уже широко практикуется цензура «политической корректности». Известен случай с писателем С. Рушди, который вынужден был скрываться от мести религиозных фанатиков; а в английском Бирмингеме, чтобы не оскорблять чувства представителей других религий, из рождественского облика города исчез Санта-Клаус. «Политическая корректность» по специфическим для немцев причинам вряд ли получит такое же распространение в Германии, как в США. Однако, если широкие слои немецкого общества, например, в порыве европейской интеграции все же воспримут этот новый кодекс речевого поведения, мы станем свидетелями многих интересных явлений в лексике немецкого языка и культуре Германии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Henseheid E. "Dummdeutsch". Ein Woerterbuch. – Stuttgart: Verlag Philipp Reclam jun., 1993.

© Базылев В. Н., 2007

Белт Т.

Гавайский Университет, г. Хило

Перевод: Аникин Е.Е.

ГАЗЕТНЫЕ МЕТАФОРЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБЕЖДЕНИЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Abstract

The results of an experiment conducted on 98 subjects reveal that metaphorical language is persuasive and assists in subjects' learning about a topic. Subjects who read newspaper stories containing metaphors took away significantly more factual knowledge from the stories than subjects who read stories without metaphors. Moreover, subjects reading stories which contained metaphors favoring one group over another tended to sympathize with the favored group. The results of this study not only deepen the body of knowledge on metaphor through empirical testing, but also supplement the scholarly work on political persuasion.

Метафора часто используется политическими деятелями и репортерами с целью упростить сложные политические явления. Метафоры достигают этого, смешивая разнообразный жизненный опыт людей с общеизвестными истинами. Но тем способом, которым используется метафора, можно добиться большего, чем простое улучшение понимания новостей. Когда метафора используется с целью некоторым образом очертить рамки политической проблемы или события, то она, вероятно, привлечет внимание к тем аспектам темы, которые могут благоприятно сказаться на той или иной группе. Вследствие этого выбор метафор, используемых для передачи политической информации, может иметь мощный воздействующий эффект на новостную аудиторию. Данная статья исследует то, какой эффект метафоры, используемые в газетах, оказывают на читателей в трех различных измерениях: 1) какую информацию получают читатели; 2) принимает ли аудитория доминирующую метафорическую модель (фрейм) при размышлении о содержании; 3) воздействует ли метафора на представления читателей о соответствующей проблеме. Экспериментальные данные дают подтверждение мнению о том, что метафора влияет на политическое мышление во всех трех данных областях.

Теория и гипотезы. Для целей данного исследования, анализируемый эффект – политическое убеждение – определен через наличие трех отчетливых измерений: 1) усвоение (информации); 2) ассимиляция модели (фрейма); 3) формирование суждения.

Измерение усвоения определено как количество фактической информации, которое индивидуум оказывается способным получить из коммуникации. Исследования метафоры показали, что важно провести грань между содержанием, которое запоминается и содержанием, которое убеждает (*De Landtsheer and De*